

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Парибок

(кандидат филологических наук, старший научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама», Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; Российская Федерация, 117196, Москва, Миклухо-Маклая ул., д. 6; e-mail: paribok6@gmail.com)

Р.В. Псху

(доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, главный научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама», Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; Российская Федерация, 117196, Москва, Миклухо-Маклая ул., д. 6; e-mail: r.pskhu@mail.ru)

«КУЛЬТУРА НЕОДНОЗНАЧНОСТИ»

Рецензия на: Бауэр Т. Культура неоднозначности и плюрализма: к другому образу ислама. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 400 с.¹

Аннотация. В рецензии обозревается книга немецкого философа, культуролога и исламоведа, профессора Вестфальского университета им. Вильгельма Томаса Бауэра «Культура неоднозначности и плюрализма: к другому образу ислама» (2011; русский перевод — 2020). Как отмечают рецензенты, Бауэру удалось описать культурный ресурс классической арабо-мусульманской цивилизации, фундированной принципом неоднозначности (*Ambiguität*). Неоднозначность, будучи принципом построения арабского дискурса, особым образом организовала структуру исламского права, мусульманской теологии и даже социального тела уммы. В противоположность классической, современная арабская культура, утверждает немецкий ученый, катастрофически зависима от атомистического принципа однозначности, перенятого ею у европейского модерна. Как следствие, Бауэр положительно оценивает запас «толерантности» арабской цивилизации и противопоставляет его современным радикальным течениям, по-своему «реформирующим» исторический этос мусульманского смыслополагания.

Ключевые слова: ислам, исламская культура, толерантность, неоднозначность, однозначность, Европа, модерн, Бауэр.

¹ Рецензия подготовлена при поддержке РФФ, проект № 23-28-01437 «Типология цивилизационно-специфичных рациональностей Евразии».

Andrey V. Paribok

(PhD in Philology, senior research fellow, Purushottama Center for the Study of Philosophy and Culture of India, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: paribok6@gmail.com)

Ruzana V. Pskhu

(DSc in Philosophy, Professor, Department of the History of Philosophy, main research fellow, Purushottama Center for the Study of Philosophy and Culture of India, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: r.pskhu@mail.ru)

“The Culture of Ambiguity”

A Review of: Bauer, Th. *Kultura neodnoznachnosti i pluralizma: k drugomu obrazu islama* [A Culture of Ambiguity: An Alternative History of Islam]. Moscow, Berlin: Direct Media publ., 2020, 400 pp. (Russian Translation)²

Abstract. The review considers the monograph of the German philosopher, culturologist and orientalist, professor at Wilhelm University of Westphalia Thomas Bauer “A Culture of Ambiguity: An Alternative History of Islam” (2011; Russian translation — 2020). As the reviewers note, Bauer managed to describe the cultural resource of the classical Arab-Muslim civilization, founded on the principle of ambiguity (*Ambiguität*). Ambiguity, being the principle of constructing Arabic discourse, organized the structure of Islamic law, Muslim theology, and even the social body of the ummah in a special way. In contrast to the classical one, modern Arab culture, the German scientist argues, is catastrophically dependent on the atomistic principle of unambiguity, adopted by it from European modernity era. Finally, Bauer positively assesses the reserve of “tolerance” of the Arab civilization and contrasts it with modern radical currents, in their own way attempting to “reform” the historical ethos of Muslim thought.

Keywords: Islam, Islamic Culture, Tolerance, Ambiguity, Unambiguity, Europe, Modern Era, Thomas Bauer.

Если считать, что окончательная задача рецензии на какую-либо книгу — побудить возможного читателя прочесть рецензируемое сочинение или, напротив, предостеречь его от ознакомления с ним и, как следствие, уберечь его от напрасной траты времени и умственных сил, то в нашем случае задача рецензента легко решается в одном предложении. Труд немецкого арабиста, профессора Вестфальского университета им. Вильгельма Томаса Бауэра (оригинал вышел в 2011 г.) следует горячо рекомендовать не только специалистам

* The review is funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01437 “Typology of Civilization-Specific Rationalities of Eurasia”.

по истории Ближнего Востока и ценителям культурного богатства стран этого региона, но и религиоведам, литературоведам, культурологам — в особенности интересующимся закономерностями перехода культуры от преמודерна к модерну (не в последнюю очередь, негативными его сторонами), — а также тем, кого успел заинтересовать постколониальный дискурс в сфере востоковедения, хотя бы читателям «Ориентализма» Э. Саида [Саид, 2021]. Теперь же раскроем причины нашего восхищения работой немецкого коллеги несколько обстоятельнее.

Начнем с весьма существенного понятия «неоднозначности» (*Ambiguität*), вынесенного автором в заглавие. Поместим его в объемлющую смысловую рамку (в самой книге введению и разбору его посвящена первая, методологическая глава [Бауэр, 2020, 20–46]). Всякая сколько-нибудь нетривиальная человеческая деятельность, направленная как на вещи, так и на слова, тексты и смыслы (что преимущественно занимает Бауэра), предполагает следование неким *правилам*. К счастью, однако, свести всю полноту антропной деятельности к сложной последовательности механического применения правил, применимых к соответствующей ситуации, индивид практически никогда не способен. Сборка автомобиля на конвейере или расконсервация орбитальной космической станции — предельные случаи, требующие противоестественной дисциплинированности и временного уподобления человека автомату. Составление и «понимающая», миметическая оценка художественно и идейно значимого сочинения, судебное решение (правоприменение), толкование и исполнение вслух священного текста — таковы типичные и особенно занимающие автора сложные культурные практики. Бауэр стремится выяснить, каким именно образом они воспринимались а) самими арабами в классическую эпоху исламской культуры, т.е. до наступления господства Османов (XVI в.), б) западными ориенталистами XIX–XX вв. и в) арабами этого же времени, причем как обновленцами-модернистами, так и консерваторами-традиционалистами.

Очевидно, что в разных культурах (в частности, в западноевропейском модерне, породившем востоковедение, с одной стороны, и в арабском преמודерне — с другой) мера кодификации и способы нормирования таких практик должны были значительно различаться. Как убедительно демонстрирует автор, ссылаясь на богатый фактами исторический материал в главах II–VIII [Бауэр, 2020, 20–284], бытующий в западной ориенталистике и общеевропейских предрассудках образ исламского общества и культуры как чего-то косного, насквозь религиозного, находящегося в медленном, но неуклонном упадке в постформативный период своего существования (т.е. примерно с X в. и вплоть до конца XIX в.) и нуждающегося в обновляющей «встряске», в том, чтобы непрестанно перенимать западные этические нормы и эстетические ценности, — словом, образ европоцентрический, является результатом межкультурной аберрации дискурса. Объясняется же эта аберрация, по-видимому, чертами

западного модерна, в котором развитие естественных наук и инженерии, по своему устройству заметно тяготеющих к однозначности, захватывало также социальные и гуманитарные области человеческого бытия. А однозначность очень легко вырастает в регламентацию. Квазиматематической доказательности «единственной» истины европеец Нового времени начинает требовать едва ли не от всего подряд. В классической же арабской культуре нет и следа «страсти по однозначности» — напротив, как демонстрирует Бауэр, в ней господствовала «цветущая сложность», оцениваемая исследователями с явственно различимым предубеждением. К примеру, увлеченное применение многозначных и трудно понимаемых с ходу выражений в классическом арабском литературном стиле, изысканное «плетение словес» (т.е. искусство риторики) и уважение к авторской изощренности кажутся западным арабистам-литературоведам симптомом упадка вкуса и пренебрежения содержанием. (Хотя, в свою очередь спросим мы, разве не нуждается в обосновании констатация, что содержание есть ядро художественного текста? Более того, разве нам не известно, что содержание есть самый простой, поддающийся примитивному пересказу элемент текста?)

Литературные и культурные критики ждут «ясности, простого выражения чувств и реализма». Те из арабских интеллектуалов Нового времени, кто, пожалуй, излишне и некритически был впечатлен внешними успехами Европы, усваивали и западные нормы, требовавшие большей логической и императивной однозначности. Наряду с позитивными аспектами этого усвоения — упоминать о которых настолько просто и банально, что ни автор, ни рецензенты этого делать не станут — оно приводило к отчуждению от собственной литературной традиции последнего тысячелетия, к утрате естественной семиотической связи с последней. Схожие черты проявления разрыва с современных мыслителей с классической культурой наблюдаются и в области мусульманского права, и в «застывшей» теологической мысли Востока. Парадоксальным образом оказывается, что салафиты (ваххабиты), зачастую считающиеся и сами себя считающие фундаменталистами, будто бы возвращающимися «к истокам» исламской доктринальной мысли, вовсе не являются таковыми. В своем стиле мышления, в постулируемой методологии коранической экзегезы и, не в последнюю очередь, в претензии на единственное, прямое и доказательное истолкование истины откровения они остаются бессознательными последователями западного модерна в его не самых лучших проявлениях. Подобно своим европейским визави, салафиты очарованы именно современным поиском однозначности, стремлением к тотальности, примитивизацией аргументации, узостью культурного кругозора и готовностью искоренять несогласие, в т.ч. и физически. Бауэр выразительно сопоставляет зрелые, оставляющие за читателем свободу и выбор средневековые трактовки коранических пассажей с нынешними салафитскими справками, выглядящими на их фоне

поистине провинциально — как проявление «старческого догматизма» [Бауэр, 2020, 104–129]. Можно, пожалуй, заключить, что западный модерн заразил в какой-то степени застойную, но генетически и структурно сложную, развитую и достаточно устойчивую высокую арабскую культуру своими чертами механистичности, — и в связи с последним вспомнить о соответствующих рассуждениях О. Шпенглера [Шпенглер, 2019, 7–34]. Социальные же аспекты функционирования арабской культуры, в которых, прежде всего, имеет смысл искать позитивное влияние Запада, мы вместе с автором оставляем в стороне.

Концептуально значима шестая глава книги — «Исламизация ислама» [Бауэр, 2020, 175–203]. В ней рельефно описана другая черта упомянутой выше межкультурной аберрации. Верно, что ближневосточная цивилизация отличается от европейской прежде всего религиозно. У религиозных различий имелись и вполне социальные последствия: так, в мусульманском государстве всегда находилось приемлемое и, что немаловажно, гарантированное правом место меньшинствам — иудеям-раббанитам, караимам, самаритянам, арабам-христианам, зороастрийцам и многим другим. Религиозные отличия исламской цивилизации от цивилизации христианской очевидны; однако едва ли востоковед вправе редуцировать к ним прочие культурные отличия уммы от европейского общества. Именно вследствие подобного рода редукции размывается и без того спорная в исламе грань между «светским» и «религиозным», появляются странные представления об «исламской медицине», «исламском праве» как теологической дисциплине, в кадии (судье) усматривают служителя религии... Всё это совершенно неверно. От судьи, как показывает автор, требовалось не столько теологическое правоверие, сколько честность, совесть, знание законов и непредубежденность, т.е. вполне «светские» добродетели. В медицинском знании арабских стран неизменно высоко ценилось античное, «языческое» наследие, на материалах греческих и римских сочинений писались учебники для будущих врачей, которые, приступая к практике, давали клятву, восходящую к клятве Гиппократова и никак не фиксирующую типично исламские ценности или понятия. Не прослеживается в мусульманском преодолении и мертвящее давление «ортодоксии», т.е. какого-либо традиционализма, на «светскость»; да и сама «ортодоксия», при отсутствии единой организации на манер католичества, не могла служить монолитной силой арабской культуры. Приводимые европейскими арабистами примеры высказываний и мнений святош оставались в исламском мире маргинальными. Не столь уж редким бывало написание юристами или даже богословами фривольных стихов, в том числе с аллюзиями на коранические аяты или на хадисы, что воспринималось в качестве шутки, анекдота, но не как кощунство.

Глава восьмая, «Неоднозначность удовольствия», показывает естественность половых отношений в традиционной исламской культуре, отсутствие озабоченности гетеросексуальными практиками. Стоит ли и упоминать о том,

что традиционный арабский эрос разительно контрастен разнообразным тревогам, невротизмам и запретам католической и протестантской Европы, следы которых прослеживаются в западной культуре до сегодняшнего дня [Бауэр, 2020, 244–284].

Завершим наш обзор несколькими выразительными цитатами из рецензируемой книги.

В определенные эпохи и в определенных регионах люди пытаются уничтожить всякого рода неоднозначность и создать однозначный мир абсолютной истины. В других же местах и в другие времена люди удовлетворяются тем, что просто ограничивают неоднозначность. <...> Спокойное принятие многообразия и многозначности в классическое время повлияло на право и религию, язык и литературу, на представления о политике и сексе и на отношение к чужим, хотя это принятие и не вызывало всеобъемлющей поддержки общества. За последние двести лет эта высокая степень толерантности была утрачена и превратилась в свою противоположность. Многие современные западные комментаторы ислама полагают, что отсутствие толерантности к неоднозначности и есть истинное лицо ислама. Но это неприятие неоднозначности является скорее их собственным отражением. <...> Запад внес свою лепту в создание враждебности и нетерпимости к многозначности <...> Добиться признания культурной неоднозначности предметом культурологических исследований и есть цель этой книги [Бауэр, 2020, 7–8].

Прекрасный стиль, энциклопедическая эрудированность, вежливая и убедительная полемика с устоявшимися клише и, наконец, множество интересных фактов и сведений делают эту неординарную книгу отличным примером гуманитарного труда, в котором профессиональный академизм сочетается с актуальностью и индивидуальным мышлением. Искренне надеемся на то, что «Культура неоднозначности...» ожидает долгая жизнь в отечественном интеллектуальном пространстве.

Список литературы

- Бауэр, 2020 — *Бауэр Т.* Культура неоднозначности и плюрализма. К другому образу ислама / Пер. с нем. И.Г. Соколовской. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 400 с.
- Саид, 2021 — *Саид Э.* Ориентализм / Пер. с англ. Т. Лопаткиной. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.
- Шпенглер, 2019 — *Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / Пер. с нем. Н.Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2019. 656 с.

References

- Bauer, Th. *Kultura neodnoznachnosti i pluralizma. K drugomu obrazu islama* [A Culture of Ambiguity: An Alternative History of Islam]. Moscow, Berlin: Direct Media publ., 2020, 400 pp. (Russian Translation)
- Said, E. *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garaj", 2021, 560 pp. (Russian Translation)
- Spengler, O. *Zakat evropy: ocherki mifologii mirovoy istorii. T. 1. Obraz i deystvitelnost'* [The Decline of the West. Vol. 1. Form and Actuality]. Minsk: "Popurri" publ., 2019, 656 pp. (Russian Translation)